

Величественный образ архипастыря

КО ДНЮ ПАМЯТИ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА НИКОЛАЯ (ДОБРОНРАВОВА)

Двадцать первого ноября 2021 года исполнилось 160 лет со дня рождения известного церковного деятеля, современника трагических событий в российском государстве и Русской Православной Церкви после Октябрьской революции священномученика Николая (Добронравова), архиепископа Владимирского и Суздальского. В житии этого труженика на ниве Христовой сполна отразилась железная поступь XX века: революция, кризис в российском обществе, кровавые гонения на христиан — но и искания духовенством и мирянами путей обновления церковной жизни, освобождения ее от излишних уз государственного контроля, стремление лучших сынов Церкви привнести в ее уклад дух христианской любви и заботы о ближних, просвещения и образованности.

Путем праведного Иова

Священномученик Николай (в миру Николай Павлович Добронравов) родился 21 ноября 1861 года в селе Игнатово Дмитровского уезда Московской губернии в семье приходского священника. В 1881 году Николай окончил Московскую духовную семинарию, а в 1885 году — Московскую духовную академию. Учился он успешно: семинарию окончил по первому разряду первым в списке, а академию со степенью кандидата богословия с правом преподавания в семинарии и с правом на получение степени магистра без нового устного испытания, так что уже в следующем году защитил магистерскую диссертацию на тему «Книга пророка Иоилы». Молодой церковный ученый был назначен преподавателем Священного Писания и еврейского

языка, трудился на кафедре основного, догматического и нравственного богословия в Вифанской духовной семинарии, где также был помощником инспектора¹.

Женился Николай на Анне Александровне Иванцовой-Платоновой — дочери известного церковного ученого, писателя и публициста, заслуженного профессора Московского университета протоиерея А. М. Иванцова-Платонова. В семье родилось двое детей — Александр и Раиса. Третьего июля 1889 года отец Николай был рукоположен в сан священника епископом Можайским Александром (Светлаковым) к Покровскому академическому храму. Однако в этом же году семью постигло тяжелое горе — вскоре после принятия Николаем священного сана скончалась его любимая супруга. Священнослужитель остался с двумя младенцами на руках: сыну Саше

тогда не исполнилось и двух лет, а младшая, Рая, была новорожденным младенцем. Молодой пастырь решил пойти по стезе своего тестя², став в августе 1890 года законоучителем и настоятелем домового храма в честь святой царицы Александры 3-го Московского Александровского военного училища, а также законоучителем в нескольких гимназиях.

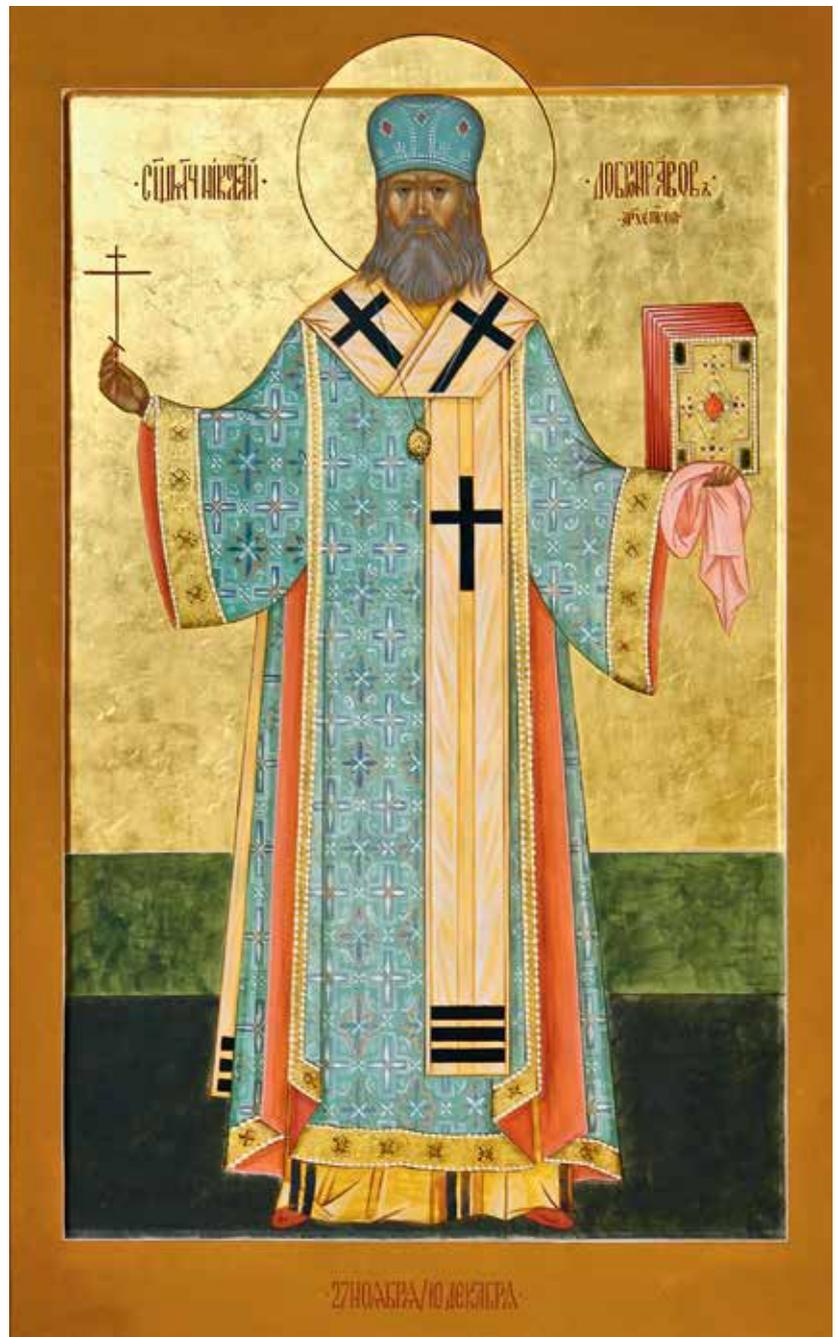
Беда, как известно, не приходит одна. Господь испытывал Своего преданного служителя, подобно праведному Иову. Через год после кончины супруги один за другим умирают дети отца Николая. Но не ожесточилось сердце пастыря. На протяжении всей последующей жизни он сохранял теплое и нежное отношение к самым маленьким членам своей паствы. «Странно было видеть его, такого обычно строгого, весело смеющимся и болтающим с крошкой четырех – шести лет», — свидетельствовал уже об архиепископе Николае (Добронравове) его современник, священник Сергей Сидоров³.

С этих пор теперь уже вдовый и бездетный священник целиком посвятил себя служению Церкви. В творческом отношении это был очень плодотворный период. Из-под его пера вышли статьи экзегетического характера, посвященные ветхозаветным текстам, экклезиологическим, эсхатологическим, церковно-историческим и церковно-социальным темам, которые публиковались в периодических церковных изданиях.

Вскоре духовенство Московской епархии выбрало его членом правлений Вифанской и Московской духовных семинарий. Приобретенный в церковной академической среде авторитет позволил отцу Николаю через несколько лет, в 1917 году, стать кандидатом в ректоры Московской духовной академии.

На передовой

Начавшуюся Первую мировую войну священник воспринял как еще одну возможность послужить ближним, деятельным участием в судьбах других людей приглушая собственное чувство одиночества и боль и страдание от потери семьи, мало поддающиеся терапии временем. Будучи пастырем юнкеров в Александровском училище, отец Николай часто говорил им о люб-

Став военным священником, отец Николай причащал Святых Христовых Таин раненых воинов, совершал отпевания и погребения убитых, зачастую рискуя собственной жизнью.

ви к Отечеству, жертвенном служении ближним ради Христа. Он и сам не мог во время пожара Первой мировой безопасно отсиживаться в Москве и желал подать личный пример своим

подопечным, показать, что слова и призывы не должны расходиться с делом.

Получив дозволение епархиального и военного руководства на пребывание в действующей армии, в апреле 1915 года протоиерей Николай был распределен в 12-й отряд Общеземского союза, находящийся на передовых позициях Галицийского фронта. Став военным священником, отец Николай причащал Святых Христовых Таин раненых воинов, совершал отпевания и погребения убитых, зачастую рискуя собственной жизнью под пулями врага. Был случай, когда подвижник подвергся неприятельскому обстрелу во время всенощного бдения, которое он совершал в местечке Крошино близ Барановичей. Но Господь хранил Своего избранника, и в сентябре 1916 года отец Николай вернулся в родное Александровское училище и домовый храм при нем⁴.

В «штабе прогрессивного духовенства»

В Москве священник Николай Добронравов был, кажется, неутомим в своей просветительской деятельности: читал лекции в Обществе трезвости, участвовал в Общеобразовательных чтениях для фабрично-заводских рабочих.

Кроме того, еще до Первой мировой войны, с 1905 года, он был одним из наиболее заметных деятелей Общества любителей духовного просвещения, которое было тогда, по меткому выражению бессменного секретаря организации Н. П. Розанова, «штабом прогрессивного духовенства»⁵ — центром деятельности сторонников церковных реформ и обновления церковной жизни. В обществе, встречи которого проходили в Московском епархиальном доме, собирались именитые представители из числа священнослужителей и мирян. Отец Николай выступает здесь с инициативой проведения съезда, состоящего из выборных депутатов, в том числе от сельского духовенства, ратует за развитие связей общества с частными кружками, где тоже обсуждаются вопросы церковного обновления⁶. У митрополита Московского Владимира (Богоявленского) явная политизация деятельности общества и революционный настрой его членов не вызывают сочувствия, и в конечном итоге ему пришлось вмешаться и направить их активность в более спокойное русло.

Проведение церковных реформ, исправление недостатков в церковной жизни в то время возлагалось на ожидаемый Всероссийский церковный

собор. Несмотря на то что для его подготовки при Святейшем Синоде в Петербурге было создано Предсоборное Присутствие, среди либеральных членов Общества любителей духовного просвещения зрела мысль о необходимости организации собственной Предсоборной комиссии в Москве. В результате она была создана на заседании общества 15 ноября 1905 года, получив название Московская комиссия по церковным и вероисповедным вопросам. Ее председателем стал протоиерей Н. П. Добронравов. В марте 1906 года комиссия перешла под крыло «Союза 17 октября», впрочем, просуществовав недолго.

Отец Николай с 1914 года возглавлял Законоучительное братство, входил в состав Объединенного союза московского духовенства и мирян, а также в Исполнительный комитет объединенного духовенства и Епархиальный совет по управлению Московской епархией, образованные Чрезвычайным съездом духовенства и мирян в марте 1917 года. На повестке дня этого съезда стояло избрание Московского митрополита, поскольку митрополит Макарий (Невский), ставший преемником переведенного в Петербург митрополита Владимира (Богоявленского), был только что смещен с московской кафедры. Отец Николай проявил себя как убежденный сторонник идеи выборности епископата.

Протоиерей Н. П. Добронравов стал делегатом от Московской епархии на Всероссийском съезде духовенства и мирян, который проходил в Москве в июне 1917 года (он входил в секцию по организации церковного управления вместе с известным канонистом и церковным историком, будущим священномучеником И. М. Громогласым⁷). На съезде протоиерей Николай был избран членом Предсоборного совета. Входил в состав Всероссийского церковного собора (член I, II, III и VII отделов), участвовал во всех трех соборных сессиях. Его участие особенно было заметно в Комиссии по епархиальному управлению.

Вредный для революции тип

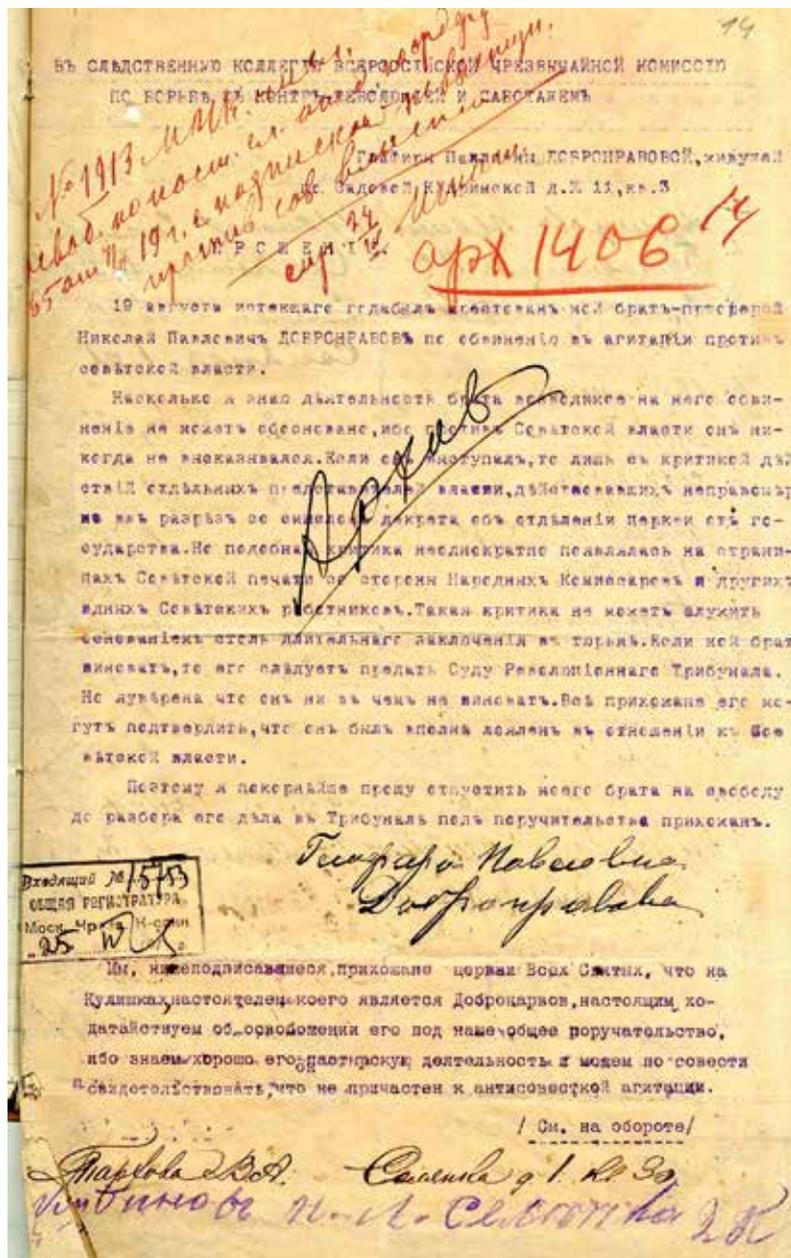
Во время обстрела большевиками здания Александровского военного училища в ноябре 1917 года в квартире отца Николая скрывались несколько семейств офицеров. Он принимал самое живое участие в похоронах юнкеров и стар-

Крестный ход по Красной площади в 1918 г. На заднем фоне — пострадавшая от обстрела Кремля Никольская башня. РГАФКД

шего командного состава, погибших в Москве во время уличных боев и обстрела большевиками Кремля в 1917 году⁸. Нет сомнения в том, что его сердце было на стороне героических защитников Москвы. Именно отец Николай на заседании собора выступил с инициативой организации церковного отпевания погибших юнкеров и студентов и взял на себя многие связанные с этим хлопоты (большевики от церковного погребения своих убитых демонстративно отказались).

После закрытия Александровского военного училища отец Николай был назначен настоятелем старинного московского храма Всех Святых на Кулишках. И здесь вскоре он стал жертвой спланированной провокации. В газетах «Известия ВЦИК» и «Правда» от 22 августа 1918 года сообщалось, что духовенство некоторых московских храмов, в том числе храма Всех Святых на Кулишках, якобы устраивает на колокольнях и чердаках домов площадки для размещения

пулеметов и орудий с целью обстрела занятого большевиками Кремля⁹.

За три дня до этого сотрудники ВЧК во главе с комиссаром Зиксте пришли к храму Всех Святых, чтобы произвести обыск. Церковь была закрыта. Вооруженные люди, найдя настоятеля храма протоиерея Николая, потребовали, чтобы он выдал им ключи. Отец Николай ответил, что при обыске храма необходимо присутствие председателя приходского совета И. Г. Бабурина, после чего священник был доставлен в ВЧК и затем арестован¹⁰. И хотя опубликованные в газетах бездоказательные обвинения были опровергнуты архиепископом Коломенским

и Можайским Иоасафом (Каллистовым), а обыск в храмах, проведенный по распоряжению ВЧК, конечно же, не выявил никаких подготовительных работ к созданию на их территории огневых площадок, отец Николай был оставлен под арестом. Делегация Всероссийского церковного собора по сношению с народными комиссарами от имени собора заявила протест против ложных публикаций в официальных советских изданиях, а также поддержала ходатайства перед ВЧК приходского совета Всехсвятского храма, Союза объединенных приходов и Союза духовенства и мирян об освобождении отца Николая.

Но теперь священник оставался под стражей уже под предлогом расследования его роли в подавлении восстания большевиков 3–5 июля 1917 года в Петрограде, а также его предполагаемого участия в ноябрьском сопротивлении юнкеров. Новые обвинения следствия основывались на обнаруженных во время обыска дневниках протоиерея Николая с краткими заметками о происходящих событиях.

Протоиерей Николай содержался в Бутырской тюрьме в мужском одиночном корпусе (камера 78). Дважды его допрашивали, однако официально обвинение так и не было предъявлено¹¹. По окончании проверки следователь С. Ф. Реденс написал заключение: «Из допроса гражданина Доброуравова я вынес впечатление, что он принимал участие в политической жизни... хотя у меня нет материалов, дабы установить его роль в событиях июля 1917 года, а также в Октябрьской революции; из всего же видно, что это вредный для революции тип, который, будучи на свободе, наверняка спокойно сидеть не будет. Поэтому предлагаю отправить его в концентрационный лагерь»¹².

И действительно, 3 декабря 1918 года Коллегия отдела ВЧК приняла такое решение. В это время в адрес властей одно за другим направлялись ходатайства прихожан Всехсвятского храма, а также юридической комиссии Московского политического Красного Креста об освобождении отца Николая. В конце концов 16 апреля отец Николай был отпущен на свободу, а дело прекращено без указания оснований, что свидетельствует о безрезультатности попыток следственных органов уличить священника в предъявленных ему обвинениях.

Оберегая церковную власть от греха измены Христу

Арест и заключение, пережитые испытания, вести о расправах над иерархами и священнослужителями, осознание угрозы, исходившей от молодой безбожной советской власти, привели к серьезным изменениям в мировоззрении отца Николая. Он отказался от своего прежнего либерального курса. Произошло это еще и в связи с тем, что вскоре церковное свободомыслие, явившее в обновленческом движении самую уродливую свою личину, стало использоваться властью в борьбе с Русской Церковью. Для отца Николая преданность канонической Церкви во главе с Патриархом была абсолютной ценностью в сравнении со всеми прежними идеями о путях ее реформирования. Если 1917 году, за несколько дней до революционного переворота в стране, выступая на Всероссийском церковном соборе против восстановления в Русской Церкви патриаршества, протоиерей Николай произнес следующие слова: «Я желаю сказать: не говорите, что если будет Патриарх, тогда у нас непременно все объединится. <...> Итак, примеры истории говорят, что вождь может быть только тогда, когда он — у всех на виду, а мы такого вождя не видим; его среди нас нет»¹³, — то теперь в лице Всероссийского Патриарха он видел именно такого консолидирующего деятеля и вождя.

Архипастырь, войдя в состав Синода, стал одним из ближайших сподвижников Патриарха Тихона, оказывая ему помощь в защите Церкви от натиска обновленцев, отстаивая старый стиль церковного календаря, выступая против включения в состав членов Синода основателя раскольниковской «Живой Церкви» «первого протопресвитера всея Руси» В. Красницкого, за что подвергался репрессиям со стороны советских властей.

В начале 1921 года протоиерей Николай был назначен настоятелем Крутицкого Успенского собора. В этом же году он был пострижен в монашество и хиротонисан во епископа Звенигородского, викария Московской епархии; возглавлял Миссионерскую комиссию в составе Благочиннических советов по борьбе с неверием и сектантством.

В марте 1922 года епископ Николай временно назначается управляющим Московской епархией в связи с арестом архиепископа Никандра (Феноменова). Архипастырь проводит реформу приходов, главными элементами которой было введение приходской благотворительности и бесплатных треб.

По обвинению в контрреволюционной деятельности, которая, по мнению следствия, выразилась в противодействии изъятию советскими властями церковных ценностей и создававшемуся обновленческому движению, в 1922 году были арестованы многие архиереи, в том числе епископ Николай. Вместе с другими архипастырями он содержался в пересыльной тюрьме города Владимира, а через некоторое время был приговорен к одному году ссылки в Усть-Сысольск (Сыктывкар) Зырянского края. Ссылка завершилась летом 1923 года, а в марте следующего,

Протоиерей Николай содержался в Бутырской тюрьме в мужском одиночном корпусе. Дважды его допрашивали, однако официально обвинение так и не было предъявлено.

1924 года владыка Николай был возведен Патриархом Тихоном в сан архиепископа и назначен управляющим Владимирской и Суздальской епархией, хотя проживал он в Москве, не имея возможности прибыть во Владимир из-за противодействия советских властей. Он управлял жизнью вверенной ему епархии через викариев, в том числе через епископа Ковровского Афанасия (Сахарова).

В апреле 1924 года последовал очередной арест архиепископа по обвинению в «контрреволюционной агитации среди духовенства и избитии члена рабоче-крестьянской инспекции». Через два месяца дело было прекращено в связи с «недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления».

После кончины Патриарха Тихона епископ Владимирский и Суздальский Николай стал одним из ближайших помощников Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра

(Полянского). По воспоминаниям священника Сергея Сидорова, архиепископ, опытный пастырь и церковный деятель, «оберегал, указывая на ошибки компромисса, владыку Петра и высшую церковную власть от тяжких грехов измены Христу и Его заповедям»¹⁴.

Архиепископ Владимирский Николай входил в состав коллегии из трех архиереев, которой весной 1926 года передал местоблюстительские полномочия находившийся в заключении митрополит Петр (Полянский)¹⁵.

Отвечал спокойно, не называя ни одного имени

В 1925 году власти с новой силой обрушились на Церковь, активизировав раскольнические процессы, подвергая арестам архиереев, священнослужителей и мирян, противящихся проводимой государством антицерковной политике, занимавших непримиримую позицию в отношении обновленцев. В конце ноября архиепископ Николай, как сторонник канонической Церкви и последовательный противник обновленческого движения, был арестован в купе с группой проживавших в Москве иерархов во главе с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром (Полянским).

Во время следствия архиепископ Николай и другие арестованные по делу митрополита Петра пребывали в Бутырской тюрьме. Игумен Дамаскин (Орловский) пишет, что архиепископа Николая на допросе спрашивали, знал ли он о письме историка С. П. Мансурова к митрополиту Петру (Полянскому), в котором обосновывалась необязательность с канонической точки зрения следования курсу, изложенному с выражением лояльности к советской власти в так называемом завещании Патриарха Тихона¹⁶. Владыка Николай на все отвечал спокойно, не называя ни единого имени, но, напротив, выступая в защиту тех, кому угрожала расправа. Например, священника Сергея Сидорова, находящегося под арестом вместе с архиепископом Николаем, и С. П. Мансурова. Отец Сергей позже в своих воспоминаниях запечатлел величественный образ архипастыря: «На первом моем допросе в ноябре 1925 года следователь потребовал от меня выдачи автора письма к митрополиту

Петру. Я отказался его назвать, и Тучков потребовал очной ставки моей с архиепископом Николаем. Помню серую мглу сумерек... хриплый крик Тучкова и нечленораздельный возглас... следователя, который все время целился поверх моей головы в окно маленьким браунингом. Архиепископ Николай вошел, взглянул... на меня и остановил внимательный взгляд свой на следователе. На Владыке была сероватая ряса и зимняя скуфья. Утомленные глаза были холодно-строги. Встав со стула, следователь разразился такими воплями, что звякнули стекла дверей и окон. Высокопреосвященный Николай властно прервал его: «Выпейте валерьянки и успокойтесь. Я не понимаю звериного рычания и буду отвечать вам тогда, когда вы будете говорить по-человечески. И спрячьте вашу игрушку». Чудо совершилось. Следователь спрятал револьвер и вежливо стал спрашивать Владыку, который давал ему, как и Тучкову, какие-то дельные показания. Во время этого допроса Владыке удалось совершенно обелить Сергея Павловича Мансурова...»¹⁷

Через несколько месяцев, в начале января 1926 года, священник Сергей Сидоров, измученный и нравственно, и физически непрерывными допросами, боялся, что на очередной встрече со следователем в силу своего состояния может оговорить своих друзей и знакомых. Но на следующем допросе находившийся там же архипастырь запретил отцу Сергию, своему изможденному собрату, властью епископа «говорить что бы то ни было следователю». Эти слова и уберегли его от предательства. По воспоминаниям священника, после этого «меня увели в коридор, я слышал неистовую ругань Казанского [следователя]. Вряд ли эти мои строки будут когда-либо прочтены многими, но если мои дети и близкие прочтут их, пусть они склонятся перед дивным ликом епископа Николая, некогда в застенках ГПУ избавившего меня от самого большого несчастья — от горя выдачи друзей врагам веры и Церкви»¹⁸.

По свидетельству отца Сергея, «когда рассеялись ужасы сидения в тюрьме... мне удалось узнать подробности пребывания Владыки Николая на Лубянке. Я с ужасом узнал об издевательствах над ним, о его сидении в подвале тюрьмы и о постоянных ночных допросах. И с тем большей благодарностью я склоняюсь перед вели-

чием его духа, благодаря которому удалось Владыке спасти многих и сохранить многие тайны церковные. В московской тюрьме особенно ярко выявился его лик, строгий и правдивый, смелый лик человека, забывающего о себе и готового к смерти за свою веру»¹⁹.

Священника Сергея Сидорова и С. П. Мансурова освободили, наложив запрет на проживание в шести крупных городах СССР, а архиепископ Николай Особым совещанием при Коллегии ОГПУ 21 мая 1926 года был приговорен к трем годам ссылки за Северный полярный круг, в поселок Полой Туруханского края. В условиях чрезвычайных бытовых лишений ссыльный обращается с просьбой присылать ему книги для чтения. Письма он адресует Е. П. Пешковой²⁰. Замечательны по глубине христианского чувства благодарности и смиренного великодушия письма архиепископа Николая настоятелю Свято-Троицкого храма одноименного Туруханского монастыря иерею Мартину Римше. Владыка Николай неизменно начинает свои обращения с благословения и в искренних словах благодарит отца Мартина за оказанную помощь в передаче писем и посылок, извиняется за доставленное беспокойство, просит молитв²¹. Чудом сохранившееся эпистолярное наследие

являет нам смиренный и кроткий дух архипастыря.

По прошествии времени иерарх вместе с другими заключенными был переведен из Полоя в город Енисейск, а оттуда на поселение в Великий Устюг. После окончания ссылки архиепископу Николаю было разрешено свободное проживание в любой точке Советского Союза с прикреплением к определенному месту жительства на три года, кроме шести крупных городов страны. Когда срок поражения в правах закончился, он поселился в Москве.

Большой террор 1937–1938 годов стал и апогеем гонений на Русскую Церковь. Ставка советских властей была сделана на физическое уничтожение иерархов и активных священнослужителей. В начале ноября 1937 года сотрудники НКВД допросили одного из московских священников, который согласился быть штатным информатором органов. Он утверждал, будто архиепископ говорил в частных беседах, что «каждый верующий должен противодействовать мероприятиям советской власти, не допускать закрывать церкви, собирать подписи, подавать жалобы, а самое главное, что духовенство должно разъяснять верующим смысл происходящих событий... что советская власть есть явление временное...»²²

Через несколько дней после получения этой информации за архиепископом Николаем пришли чекисты. Его поместили в уже знакомую ему по прежним арестам Бутырскую тюрьму. Допрос, проведенный помощником начальника 4-го отдела УНКВД Московской области В. Я. Бульжниковым, выявил мужество и стойкость архипастыря перед лицом грядущих испытаний, его прямой и бескомпромиссный подход к делам веры и стояния в правде Божией. Мы не можем знать всего, что происходило в застенках легендарной «Бутырки», но по делам о реабилитации известно, что В. Я. Бульжников часто использовал для добычи показаний «меры физического воздействия».

Седьмого декабря 1937 года архиепископ Николай был приговорен тройкой УНКВД СССР по Московской области к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение через три дня, 10 декабря того же года, на Бутовском полигоне НКВД в Московской области²³. Вместе с архиепископом Николаем в этот день были расстреляны и погребены в безвестной общей могиле преподобномученик архимандрит Кронид (Любимов), священномученики протоиереи Николай Андреев, Борис Ивановский, Василий Соколов, преподобномученики игумен Ксенофонт (Бон-

даренко), иеромонахи Иоасаф (Боев), Серафим (Крестьянинов), Николай (Салтыков) и Аполлос (Федосеев), священномученики иереи Николай Покровский, Феодор Дорофеев, Иоанн Смирнов и Алексей Сперанский, преподобномученик монах Алексей (Гаврин), мученик Иоанн Емельянов, а также еще 33 «церковника»²⁴. Всего в этот день на полигоне казнили 243 человека.

В 2000 году на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви архиепископ Николай (Добронравов) был прославлен в лике новомучеников и исповедников.

В храме Новомучеников и исповедников Церкви Русской в Бутове образ священномученика запечатлен на нескольких иконах и в росписи стен. Архивное дело об аресте и казни святителя можно увидеть в основной экспозиции Музея памяти пострадавших в Бутове.

Сохранившиеся драгоценные крупницы, связанные с жизнью и служением священномученика Николая, свидетельствуют о незаурядной личности и твердом характере иерарха, складываясь в святой образ архипастыря, значение подвига которого нам еще предстоит осмыслить и раскрыть в назидание потомкам.

Протоиерей Сергей Звонарёв,
Игорь Гарькавый

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Клировая ведомость церкви святой царицы Александры при Александровском военном училище, 1-го отделения Пречистенского сорока г. Москвы, за 1916 год // ЦГА Москвы. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 57. Л. 4об.-7.

² Протоиерей А. М. Иванцов-Платонов состоял законоучителем 3-го Московского Александровского военного училища с августа 1863 года. В этом же году рукоположен в сан священника к храму святой царицы Александры митрополитом Московским и Коломенским Филаретом (Дроздовым). В 1887 году митрополитом Московским и Коломенским Иоанником уволен по прошению от должности законоучителя Александровского военного училища. Проживал вместе с шестью детьми и сестрой в служебной квартире своего зятя — протоиерея Николая Добронравова, располагавшейся в здании училища. См.: Клировая ведомость церкви святой царицы Александры при Александровском военном училище, Пречистенского сорока г. Москвы, за 1890 год // ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2497. Л. 1, 2об.-8.

³ Записки священника Сергея Сидорова, с приложением его жизнеописания, составленного дочерью, В. С. Бобринской. М.: ПСТБИ, 1999. С. 41.

⁴ Первый период пребывания протоиерея Николая Добронравова в действующей армии продолжался с 20 апреля по 1 сентября 1915 года, а второй — с 20 мая по 1 сентября 1916 года. См.: Клировая ведомость церкви святой царицы Александры при Александровском военном училище, 1-го отделения Пречистенского сорока г. Москвы, за 1916 год. Л. 4 об.-7.

⁵ Розанов Н. П. Второе словосие: Мои воспоминания о жизни московского духовенства в последнее пятидесятилетие перед революцией. Рукопись // ОР РГБ. Ф. 250, к. II. Д. 1. Л. 193об.

⁶ ОР РГБ. Ф. 206, к. 12. Д. 14. Л. 125.

⁷ Жизненный путь этих двух служителей алтаря и церковной науки схож не только с точки зрения их активной церковной деятельности, но и был увенчан практически одновременно мученической кончиной: протоиерей И. М. Громогласов был расстрелян также по приговору тройки НКВД за шесть дней до гибели архиепископа Николая.

⁸ Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 2001. Кн. 5. С. 427–428.

⁹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 2. М.: Новоспасский монастырь, 2013. С. 538–539.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 192. Л. 51. Машинопись.

¹¹ Там же. Л. 50. Рукописный вариант карточки арестованного.

¹² ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 34923. Л. 9.

¹³ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5. М.: Новоспасский монастырь, 2016. С. 577, 580.

¹⁴ Записки священника Сергея Сидорова. С. 40.

¹⁵ В исторической литературе встречается утверждение, что митрополит Петр (Полянский), ожидая репрессий, составил завещание, в котором на случай своего ареста вторым в списке архиереев — его заместителей (после митрополита Сергея (Страгородского)) поставил имя архиепископа Николая. В связи с арестом архиепископа Николая завещание было переписано. См.: Аракелова А. С. Через Крест к свету: Жизненный путь священномученика архиепископа Владимирского Николая (Добронравова). М.: Изд-во ПСТГУ, 2021. С. 203–204. Из опубликованных документов известно, что актом от 6 декабря 1925 года в случае прекращения по каким-либо обстоятельствам деятельности Патриаршего Местоблюстителя временное исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя поручалось митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому), а в случае невозможности их восприятия последним временное несение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя возлагалось на митрополита Михаила (Ермакова) или архиепископа Иосифа (Петровых).

¹⁶ Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 5. С. 431.

¹⁷ Записки священника Сергея Сидорова. С. 42–43.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 255. С. 186.

²¹ В память вечную будет праведник: миссионерский проект Норильской епархии/автор проекта епископ Агафангел (Дайнеко). Норильск, 2018. С. 112–171.

²² ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 19597. Л. 15–15об.

²³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1580. С. 120–121.

²⁴ Русская Голгофа. Бутово. Месяцеслов-синодик. М.: Храм Новомучеников и исповедников Российских в Бутове, 2005. С. 45–46.